

<https://doi.org/10.52944/PORT.2023.53.2.004>

Научная статья

Социокультурные маркеры как основа для реконструкции портрета учащихся Государственных трудовых резервов СССР

М. Б. Ларионова ✉, Т. А. Заглодина, С. Л. Разинков

Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург, Российская Федерация

✉ marin.lar@mail.ru

Аннотация

Введение. Создание в 1940 г. Государственных трудовых резервов СССР сопровождалось формированием специфической социокультурной среды, которая до настоящего времени остается практически не изученной. При этом многие элементы субкультуры были далеки от образа учащегося, официально декларируемого и формируемого государством.

Цель. Выделить социокультурные маркеры, то есть наиболее значимые характеристики субкультуры, позволяющие охарактеризовать типичные черты официального и неформального портрета учащихся образовательных учреждений, входящих в систему государственных трудовых резервов.

Методы. Методологической базой исследования является субкультурный подход, подчеркивающий общность внутрисубкультурных мировоззренческих основ, выполняющих «скрепляющую» функцию интеграции учащихся государственных трудовых резервов в единое и устойчивое образование. В исследовании применены: 1) историко-сравнительный и историко-системный методы; 2) синтез макро- и микроподходов исторического исследования, направленных на выявление поведенческих практик индивида; 3) социологические методы, позволяющие раскрыть содержательную сущность маркеров портрета учащихся, выделенных на основе анализа различных источников: официальных документов, эго-документов, произведений художественной литературы. Критерии отбора источников: происхождение, сохранность / доступность, релевантность.

Результаты. Предложены показатели для реконструкции «парадного» и «непарадного» портрета учащихся системы государственных трудовых резервов (1940–1950-е гг.) через применение четырех категорий социокультурных маркеров (социально-демографические особенности, культурные ценности и ментальные характеристики, поведенческие практики и внешний облик), позволяющих наиболее емко воссоздать образ учащихся как представителей молодежной субкультуры.

Научная новизна. Представлена основа для реконструкции социально-культурного портрета учащихся государственных трудовых резервов в 1940–1950-е гг. в оптике маркеров «парадности» и «непарадности».

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть применены при исследовании эволюции системы профессионально-технического образования.

Ключевые слова: трудовые резервы, ремесленные училища, школы ФЗО, социокультурный портрет, социокультурная среда, социокультурные маркеры, поведенческие практики, субкультура

© Ларионова М. Б., Заглодина Т. А., Разинков С. Л., 2023

Финансирование. Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-01065 «Непарадный портрет» Даниила Кузьмича: потенциал обновления системы Государственных трудовых резервов в субкультуре учащихся (1940–1950-е гг.).

Для цитирования: Ларионова М. Б., Заглодина Т. А., Разинков С. Л. Социокультурные маркеры как основа для реконструкции портрета учащихся государственных трудовых резервов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11. № 2. С. 65–80. <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.53.2.004>

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2023 г.; поступила после рецензирования 11 мая 2023 г.; принята к публикации 17 мая 2023 г.

Original article

Sociocultural markers as a basis for reconstructing the portrait of students in the state labour reserves

Marina B. Larionova [✉], Tatyana A. Zaglodina, Sergey L. Razinkov

Russian State Vocational Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russian Federation

[✉] marin.lar@mail.ru

Abstract

Introduction. The creation of the State labour reserves in the 1940s was accompanied by the formation of a specific socio-cultural environment that, to date, remains practically unexplored. At the same time, many elements of the subculture were quite distinct from the official image of a student formed by the labour reserves system.

Aim. To identify sociocultural markers, i.e. the most significant characteristics of the subculture, which make it possible to characterise the typical features of the official and informal portrait of students in the state labour reserves.

Methods. The study employed a subcultural approach that emphasised the commonality of intra-subcultural worldview foundations that perform a “fastening” function of integrating students of state labour reserves into a single and sustainable education. The study used: 1) historical-comparative and historical-system methods aimed at reconstructing the image of a student of the state labour reserves; 2) the synthesis of macro and micro approaches to historical research aimed at identifying the behavioural practices of an individual in a social group; 3) sociological research methods that allow revealing the content essence of the markers of the portrait of students, identified on the basis of the analysis of various sources (official documents, ego-documents, works of fiction, visual and other historical sources).

Results. Indicators are proposed for the reconstruction of the “formal” and “informal” portrait of students in the system of state labour reserves (1940-1950s) through the use of four categories of socio-cultural markers (socio-demographic characteristics, cultural values and mental characteristics, behavioural practices and appearance), allowing to recreate the image of students as representatives of the youth subculture in a more succinct manner.

Scientific novelty. The basis for the reconstruction of the socio-cultural portrait of students of the state labour reserves in the 1940s-1950s is presented in the optics of markers of “formal” and “informal”.

Practical significance. The results of the study can be applied in the study of the evolution of the system of vocational education.

Keywords: labor reserves, vocational schools, FZO schools, sociocultural portrait, sociocultural environment, sociocultural markers, behavioral practices, subculture

Funding. This article was made possible with the financial support of the Russian Science Foundation grant, project number 23-28-01065 "Non-Parade Portrait" of Danila Kuzmich: the potential for updating the State Labour Reserves system in the subculture of students (1940s-1950s).

For citation: Larionova, M. B., Zaglodina, T. A., & Razinkov, S. L. (2023). Sociocultural markers as a basis for reconstructing the portrait of students in the state labour reserves. *Vocational Education and Labour Market*, 11 (2), 65–80. <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.53.2.004>

Received April 16, 2023; revised May 11, 2023; accepted May 17, 2023.

Введение

Создание в 1940 г. Государственных трудовых резервов СССР¹ сопровождалось формированием специфической социокультурной среды, до настоящего времени остававшейся на периферии внимания исследователей. Учащиеся учебных заведений трудовых резервов существенно отличались не только по социальному облику, культурно-бытовому укладу, но и по уровню грамотности, жизненному опыту, личностным представлениям и целям. Подростки из колхозов и освобожденные от наказания молодые заключенные, городская молодежь и переброшенные из других регионов страны призывники вынуждены были длительно совместно существовать в относительно замкнутом мире. Объединенные полувоенной системой в учебные группы, они вступали в сложную систему коллективных и межличностных коммуникаций, формируя субкультуру, многие элементы которой были далеки от «парадного» портрета учащегося, то есть официального образа, который демонстрировала система Государственных трудовых резервов. Реальные условия жизни в учебных заведениях сформировали иной, «непарадный» образ учащегося, включающий те черты, которые обеспечивали выживание, отражали многообразие жизненных проблем, запросов, требований.

Вопросы социально-культурного облика учащихся трудовых резервов до настоящего времени практически не рассматривались в историографии; в научных работах отсутствует целостное представление об облике учащегося, его эволюции, проявлениях «непарадности». Таким образом, в современной историографии сформировалось понимание важности проблемы обращения к субкультуре и социокультурным характеристикам будущих молодых рабочих, однако применительно к системе государственных

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года «О государственных трудовых резервах СССР». http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/1940_10.htm. В соответствии с Указом Совету народных комиссаров СССР предоставлялось право ежегодно призывать на учебу от 800 тыс. до 1 млн человек городской и колхозной молодежи в возрасте 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16–17 лет для обучения в школах ФЗО.

трудовых резервов эта проблема до сих пор не решена – практически отсутствуют специальные исторические исследования по ней.

Цель статьи – выделить социокультурные маркеры, то есть наиболее значимые характеристики субкультуры, позволяющие представить типичные черты официального и неформального портрета учащихся государственных трудовых резервов.

Методы исследования

Методологической базой изучения социальной группы – учащихся трудовых резервов стал субкультурный подход.

Для выявления маркеров субкультуры учащихся применялись три категории методов. Во-первых, историко-сравнительный и историко-системный методы, направленные на реконструкцию образа учащегося на различных этапах существования государственных трудовых резервов в разрезе основных типов учебных заведений (железнодорожные и ремесленные училища / школы фабрично-заводского обучения). Во-вторых, синтез макро- и микроподходов исторического исследования, направленных на выявление системы социокультурных ценностей (как присущих учащимся до поступления в учебные заведения трудовых резервов, так и сформированных за период обучения), проявляющихся, в свою очередь, в поведенческих практиках конкретного индивида и социальной группы. В-третьих, социологические методы исследования, позволяющие раскрыть содержательную сущность маркеров портрета учащихся в четырех аспектах – социально-биографических характеристиках, ценностно-ментальных установках, поведении и внешнем облике.

Исследование базируется на комплексе различных источников: сохранившихся официальных документах; малочисленных эго-документах, дополненных произведениями художественной литературы, авторы которых, в большинстве случаев, имели непосредственное отношение к системе государственных трудовых резервов; визуальных и других исторических источниках. При этом произведения художественной литературы транслируют субъективность, имеющую первостепенное значение для характеристики маркеров субкультуры учащихся.

Отбор источников производился исходя из следующих критериев: происхождение (официальные документы общесоюзного, регионального и локального уровней системы государственных трудовых резервов, а также источники личного происхождения); сохранность / доступность (приоритетность архивных документов, отложившихся в федеральных и региональных архивах), релевантность (отражение в источнике содержательного компонента, соответствующего заданным аспектам и характеристикам социальной группы).

Результаты и обсуждение

Система Государственных трудовых резервов СССР искусственно объединила представителей советской молодежи в одну довольно пеструю социальную группу. Ее состав – это подростки 14–17 лет разного пола, уровня и условий жизни, образованности, интересов

и профессиональной ориентированности (Левикова, 2010). Процесс объединения способствовал формированию особой молодежной субкультуры, обусловленной неоднородной социокультурной средой, которая, с одной стороны, регулировалась полувоенной системой правил и норм, объединяющих молодежь в учебные группы, с другой – «корректировалась» условиями быта, неформальным общением, трудовыми задачами и реальными условиями жизни.

Под субкультурой учащихся трудовых резервов в рамках нашего исследования следует понимать не столько ценностно-смысловую ее составляющую, сколько совокупность специфических социально-психологических признаков, складывающихся на границе «парадной» (установленной официальными нормами, жестко заданными требованиями и идеалами системы государственных трудовых резервов) и «непарадной» (сформированной под влиянием условий обыденной жизни и окружения) культур, определяющих образцы поведения, ценности и ментальность.

Основу реконструкции портрета учащихся системы государственных трудовых резервов составляет выделение маркеров субкультуры в оптике парадности и непарадности. При всем многообразии характеристик, присущих молодежной субкультуре как явлению, следует выделить четыре категории маркеров, которые позволяют продемонстрировать демографический, психологический и социокультурный облик учащихся. Такими маркерами являются:

1) социально-демографические особенности (половозрастные характеристики, статусные и социальные позиции, особенности национального и историко-культурного пространства, элементов городской жизни и образовательной среды – в разрезе типов учебных заведений и регионов);

2) культурные ценности, ментальные характеристики (групповая идентичность, мировоззрение, ценностные ориентации и личные качества, устойчивые представления о приоритетах, нормы поведения в разных ситуациях – в учебе и на производстве);

3) поведенческие практики (образовательные практики, работа на производстве, виды самовыражения, образ жизни, проведение досуга, привычки);

4) внешний облик (одежда, прическа, сленг, отличительные знаки).

Не стоит игнорировать и особенности пространственно-временного изменения поколений – субкультуру невозможно рассматривать вне «историко-культурного пространства», которое существовало совместно с ней (Манхейм, 1994, с. 38). Таким образом, выявление и анализ повседневных практик, связанных с поведением учащихся в различных жизненных ситуациях (учеба, производственное обучение), их жизненные стили и внешняя атрибутика, система норм и культурных ценностей становится основой описания специфической субкультуры учащихся Государственных трудовых резервов.

1. Социально-демографические особенности

При характеристике социально-демографических особенностей учащихся в качестве основных параметров выступают пол, возраст, место

проживания до призыва в учебное заведение, социальное происхождение и положение, образование и уровень грамотности, национальность, состояние здоровья. Фрагментарная информация о социально-демографических характеристиках учащихся содержится в нормативно-правовых актах правительства, распорядительных документах Главного управления трудовых резервов, информационно-справочной документации мобилизационного отдела управления трудовых резервов Свердловской области, отчетах уполномоченных Госплана СССР в регионах, статистических данных ЦСУ, а также в некоторых сохранившихся массовых источниках (книги учета выпускников учебных заведений).

Пол. По указу 1940 г. призыву в училища и школы ФЗО подлежала только «молодежь мужского пола», однако уже по результатам первого призыва (ноябрь 1940 г.) доля девушек в учебных заведениях государственных трудовых резервов СССР составляла более 2% (в основном, в связи с их переводом из преобразуемых школ ФЗУ), в конце 1942 г. превысила 35%, в 1943 г. – 43%¹, с середины 1945 г. число девушек стало резко сокращаться и в 1946–1952 гг. «количество учащихся женского пола не превышало 19% от общей цифры» (Фильцер, 2011, с. 59). Тем не менее в 1940–1950-е гг. девушки составляли заметную долю контингента учащихся, что, с одной стороны, делало учебные заведения государственных трудовых резервов в определенной степени уникальной площадкой межгендерной коммуникации (особенно с учетом того что в общеобразовательных школах в крупных городах СССР в 1943–1954 гг. практиковалось раздельное обучение мальчиков и девочек), с другой стороны, способствовало сдвигу гендерных ролей (в ситуации обучения девушек «мужским» профессиям для отраслей с исключительно тяжелыми условиями труда).

Возраст как качественно своеобразный период физического, психологического и поведенческого развития индивида является важной характеристикой образа учащегося, отражающей не только его хронологический, но также биологический, психологический и социальный возраст (то есть аспекты, во многом зависящие от пола, региональных и культурных особенностей, исторического периода).

Хронологический возраст призыва в учебные заведения государственных трудовых резервов был установлен в 1940 г.: 14–15 полных лет для учащихся училищ и 16–17 лет – для школ ФЗО². При этом психологический возраст учащихся представлял собой две различные категории – первые находились на выходе из младшего подросткового возраста, когда ведущей становится деятельность общения, вторые принадлежали к возрасту ранней юности, когда ведущей становится учебно-профессиональная деятельность.

В 1940-е – первой половине 1950-х гг. наметилась тенденция по расширению верхней возрастной границы для призывников (особенно школ ФЗО), обусловленная как недостаточным количеством контингента учащихся, так и стремлением к улучшению физических параметров

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9507. Оп. 1. Д. 203, 206, 207.

² О государственных трудовых резервах...

выпускников в отраслях с тяжелыми условиями труда (Клинова, 2019, С. 299–300). Например, в 1947–1949 гг. в учебные заведения трудовых резервов призывали 17–18-летних юношей и девушек, а также молодых мужчин в возрасте 19–23 лет, не проходивших службу в Советской Армии (Фильцер, 1969, с. 60–61). При этом даже в официальных документах неоднократно упоминаются случаи завышения и занижения возраста призывников со стороны районных и городских исполкомов советов депутатов трудящихся, которые «встали на путь прямого обмана государства» и «призванной молодежи в паспортах сознательно увеличивали их возраст на 2–3 года»¹.

Географическая локализация **места проживания** учащихся до их призыва в учебные заведения государственных трудовых резервов также является важной характеристикой социального портрета, которая связана с выявлением соотношения между городской и сельской молодежью (двумя группами, во многом различающимися по своему образовательному и культурному облику, образу мышления, целевым ориентирам и ценностным ориентациям), а также доли учащихся, прибывших из других регионов в связи с распространенной в ГУТР (Главном управлении трудовых резервов) практикой межрегиональных перебросок призывников. По мнению Д. Фильцера, в последующий период «[коммунистический] режим использовал систему трудовых резервов для перераспределения кадров из сельского хозяйства в промышленность и строительство. В целом за период с 1946 по 1952 г. 76% поступивших в училища были выходцами из сельской местности» (Фильцер, 2011, с. 59).

Выходцы из сельской местности составляли и подавляющее большинство призывников, массово перебросенных в учебные заведения Свердловской области из других регионов СССР. Например, в школы ФЗО и горнопромышленные школы Свердловской области за 17 лет (1940–1956 гг.) направлялись призывники из 39 различных регионов СССР (включая отдаленные от Урала районы Казахской, Белорусской и Украинской ССР). Доля призывников, перебросенных из других регионов, в указанный период составляла в среднем 45% от общей численности учащихся этих учебных заведений². В ремесленных и железнодорожных училищах Свердловской области также была существенной доля (13–25% от численности контингента) учащихся, призванных из отдаленных сельских районов. Отмечая низкий культурный уровень молодежи, завезенной из сельских районов, начальник Свердловского областного управления трудовых резервов Путинцев в 1943 г. рассказывал (в качестве типичного примера) о девушке из Марийской АССР, которая «...когда приехала [в Свердловскую область], считала, что в цирк нельзя ходить, туда ходят только испорченные женщины, что в кино нельзя ходить – кино портит глаза»³.

При характеристике **социального происхождения и положения** следует отметить эволюцию социального состава учащихся

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 37.

² ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 1; Д. 420. Л. 1; Д. 422. Л. 2; Д. 423. Л. 3; Д. 424. Л. 4; Д. 425. Л. 8.; Оп. 5. Д. 48. Л. 13-16, 22-23, 27, 55, 59, 98; Д. 205. Л. 15, 30, 35, 64; Д. 207. Л. 14-16, 29, 49; Д. 209. Л. 119-121, 190; ГАСО. Ф. Р-2033. Оп.1. Д. 44. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

профессионально-технических учебных заведений – от преимущественно пролетарского происхождения в 1930-е гг. до превалирования крестьянских детей в 1940–50-е гг. В военные годы широко применялась практика передачи в училища воспитанников детских домов и направление в училища и школы ФЗО освобожденных от наказания молодых заключенных.

При создании системы государственных трудовых резервов требования к **образованию** и минимально необходимому **уровню грамотности** призывников были в целом невысокими и дифференцированы по типам учебных заведений: училища пополнялись выпускниками начальной школы, а в школы ФЗО молодежь призывалась фактически без учета уровня образования. Городская молодежь, имевшая более высокий уровень подготовки, зачислялась преимущественно в ремесленные и железнодорожные училища, а сельская – в школы ФЗО. Так, например, в 1946 г. из общего количества призывников, зачисленных в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища Горьковской области, доля учащихся средних и неполных средних школ составляла лишь 15,8 % (27,4 % в училищах и 6,1 % в школах ФЗО)¹. Тенденция концентрации молодежи с повышенным уровнем образования в отдельных наиболее престижных железнодорожных и ремесленных училищах подтверждается и отчетом о работе мобилизационного отдела Свердловского областного управления трудовых резервов за 1949 г.: «благодаря агитационно-разъяснительной работе наборы в большинство училищ проходят хорошо... В ЖУ № 2 на 250 мест подано 1318 заявлений, зачислено 250 чел., все с образованием 6-7 классов, в РУ № 21 на 125 мест – 176 заявлений, зачислено 62 чел., из них 42 с образованием 6–7 классов»².

В документах Свердловского областного управления трудовых резервов отсутствует подробная информация о **национальном составе** контингентов учебных заведений области. Лишь крайне редко в стенограммах совещаний с руководителями училищ и школ упоминается о проблемах межнациональной коммуникации в отдельных учебных заведениях, в которые в массовом количестве были завезены учащиеся из национальных регионов. Так, например, зам. директора по политчасти Дегтярской школы ФЗО № 3 Зиатдинов в марте 1941 г. отмечал: «У нас есть национальная рознь ... Бывали такие случаи, если в комнату среди татар попадет русский, то вели антагонизм. С этим пришлось бороться. Сейчас нет такого грубого отношения, как раньше. У нас 50 % татар, некоторые не умеют говорить по-русски и им приходится трудно»³.

К **состоянию здоровья** призывников и учащихся государственных трудовых резервов предъявлялись жесткие требования. Однако в период Великой Отечественной войны и послевоенный период, особенно в условиях мобилизационной формы пополнения учебных заведений, в официальных документах постоянно отмечались случаи, когда призывные комиссии «в погоне за выполнением плана призыва» направляли

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 46. Д. 1005. Л. 9.

² ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 30–31.

³ ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.

(особенно в школы ФЗО) заведомо больных призывников – «с открытой формой туберкулеза легких, эпилепсией, с резким понижением зрения и т. д., которые обучаться в школах ФЗО по состоянию здоровья не могли»¹. При этом даже учащиеся, формально соответствующие всем требованиям, в силу возрастных особенностей организма зачастую не могли полноценно выполнять тяжелые работы в металлургических и горных профессиях.

Таким образом, при дальнейшем детальном анализе социально-демографических характеристик субкультуры учащихся учебных заведений системы профтехобразования необходимо учитывать следующие факторы: во-первых, зависимость социально-демографических показателей «портрета» учащегося от типа учебного заведения; во-вторых, динамическое изменение этих показателей на различных этапах развития государственных трудовых резервов (предвоенный период / период Великой Отечественной войны / послевоенный период / первая половина 1950-х гг.); в-третьих, демографические характеристики, которые следует рассматривать в предельно широком социальном контексте.

2. Культурные ценности, ментальные характеристики

Агентом социализации учащихся государственных трудовых резервов выступила субкультура сверстников, которая требовала от своих представителей определенных личностных качеств, ценностных ориентаций, устанавливала нормы поведения, тем самым формируя идентичность группы и определяя ее мировоззрение. Анализ произведений художественной литературы того времени, которые правомерно рассматривать как исторический источник в контексте культурно-исторической исследовательской школы (Манкевич, 2007; Сенявская, 2002), позволяет реконструировать ценности, отношения и человеческие качества, которыми обладали или хотели обладать герои – учащиеся трудовых резервов. К их числу следует отнести произведения поэтической и прозаической формы, такие как «Данила Кузьмич» С. Михалкова², «Товарищи» И. М. Меттера³, «Веселое путешествие от А до Я» С. Я. Маршака⁴, «Черная металлургия» А. А. Фадеева⁵, «Товарищи» В. И. Пистоленко⁶, «Горе одному» Н. И. Дубова⁷ и «Ребята из девятнадцатой» Г. Е. Баннова⁸.

Среди **личностных качеств**, характерных для субкультуры учащихся государственных трудовых резервов, можно выделить как отрицательные, так и положительные. Отрицательные в основном сводились к вредным привычкам («Он, между прочим, покуривал потихоньку, у него только не всегда табачок водился»⁹), неопрятности, неаккуратно-

¹ ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 36.

² Михалков С. Данила Кузьмич. М.: Детгиз, 1944. 12 с.

³ Меттер И. М. Товарищи. Ленинград: Сов. писатель, 1952. 200 с.

⁴ Маршак С. Я. Веселое путешествие от А до Я. М.: Детгиз, 1962. 98 с.

⁵ Фадеев А. А. Черная металлургия. Собр. соч. в 7 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969.

⁶ Пистоленко В. И. Товарищи. М.: Детгиз, 1956. 339 с.

⁷ Дубов Н. И. Горе одному. М.: Дет. литература, 1979. 528 с.

⁸ Баннов Г. Е. Ребята из Девятнадцатой. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973. 216 с.

⁹ Баннов, С. 91.

му отношению к вещам («Второкурсник таким великолепным жестом швырнул на тумбочку смятую, засаленную, бесформенную фуражку»¹) и иногда воровству («За обедом тогда пропала ложка. Поварахи обыскали Тольку Сажина, из кармана худых, еще собственных штанов извлекли вдвое согнутую алюминиевую казенную ложку»²). Среди положительных качеств отмечались: храбрость, скромность, серьезность и дисциплинированность, взаимовыручка, дружба в связке с принципиальностью (настоящий друг говорит «в глаза и плохое и хорошее»³). Коллектив и учителя никогда не оставляли без внимания проявления неприемлемых ценностных установок: эгоизм («Очень много ты думаешь о себе и совсем мало о других»⁴), безответственность («Училище – вот твой фронт. Учи, знай»⁵, нерадивость («Это несерьезно, получил на экзаменах двойку. Позор!»⁶).

Отношение к учебе и будущей профессии, с которой ребята начинали знакомиться уже на первом году обучения, формировалось как до поступления – по рассказам родителей, друзей, – так и во время учебы во время практических занятий, которым они отдавали явное предпочтение («Цех – все отдам за него, а уроки да консультации – просто жить мешают»⁷). Условия учебы и поведенческие нормы формировали у учащихся ответственное отношение к работе («В тылу не расхочется дело со словом»⁸), аккуратность («Чем чище инженер одет на производстве, тем лучше следит за чистотой в цехе»⁹), человечность («Надо понимать людей и самому быть человеком, а не бюрократом»¹⁰). Немаловажную роль играл пример добросовестного товарища: «Он паровоз не заводит в депо от капитального до капитального ремонта... уголь экономит: подъемы с разгону берет ... И работает чисто, можно не контролировать»¹¹. Таким образом, работа наравне со взрослыми, выполнение государственного заказа, помощь тыла фронту задавали эталон ученику трудовых резервов, он, несмотря на юный возраст, отличался сформированным мировоззрением, сформированными представлениями о приоритетах и нормах поведения в разных ситуациях.

Одним из индикаторов культурных ценностей и ментальности предшественников конкретной субкультуры служит **групповая идентичность**. У учащихся государственных трудовых резервов она проявлялась через отношение к коллективу, который часто сравнивался с семьей, где на первое место выходит взаимопомощь, дружба, преемственность и забота друг о друге («Не просто забота по мелочам, а та забота, которая

¹ Меттер, с. 37.

² Баннов, с. 58.

³ Пистоленко, с. 128.

⁴ Пистоленко, с. 310.

⁵ Баннов, с. 61.

⁶ Меттер, с. 127.

⁷ Пистоленко, с. 20.

⁸ Михалков, с. 9.

⁹ Фадеев, с. 120.

¹⁰ Пистоленко, с. 28.

¹¹ Баннов, с. 183.

помогает человеку стать сыном своей великой Родины и беззаветно служить ей»¹). В выражениях и размышлениях прослеживается сплоченность, идентичность с группой: «... они же не всяк по себе, они – группа ... Это жизнь, семья наша, понимаешь?»² Помимо ощущения причастности и идентичности, можно увидеть и **групповое давление**, которое нарастало в ответ на игнорирование или нарушение правил или норм поведения, установленных училищем или субкультурой. И тогда коллектив начинал применять различные санкции и репрессии: порицающие публикации в стенгазете («Зазнавшийся староста»), коллективное осуждение («За друзей нас больше не считай, дезертир поганый! И не здоровайся. А в избу-читальню и не подумай заходить – нет тебе там места!»³), наказание за тунеядство и невыполнение плана («Давайте так: не вышел на работу – без обеда оставить»⁴). Такие тенденции и правила, транслируемые коллективом сверстников, формировали у ученика представления о приоритетах и личные качества, нормы поведения в разных ситуациях – в учебе и на производстве.

3. Поведенческие практики

Под поведенческими практиками на данном этапе исследования мы понимаем относительно устойчивые модели (паттерны) поведения индивидов и социальных групп – как правило, многократно воспроизводимые ими в типичных жизненных ситуациях. Многообразие последних обуславливает широту и в некоторой степени дуалистичность проявления поведенческих практик, которые, являясь разновидностью социальных практик, могут быть коллективными и индивидуальными, преимущественно повседневными, институциональными, устойчивыми до хабиутализации, но также незаурядными, протестными и вариативными, вовлекающими актора в качестве субъекта или объекта.

Концептуальной основой анализа поведенческих практик учащихся учебных заведений государственных трудовых резервов могут выступать система социальных действий Толкотта Парсонса (2002) и повседневные практики Альфа Людтке (2010).

Исходя из структуры социального действия применительно к данному исследованию, следует выделить несколько видов поведенческих практик – акты, процедуры и стратегии поведения.

Единичный акт поведения представляет собой мельчайшую единицу конкретной системы социальных действий, при которой индивидуальный актор взаимодействует с ситуацией. Зачастую единичные акты поведения составляют процедуры и стратегии поведения, но также могут представлять собой спорадические действия, в том числе не предусмотренные действующими правилами, нормами или культурными стандартами. Например, зам. директора по политчасти школы ФЗО № 3 г. Дегтярска Шарипова в декабре 1941 г. упоминала следующий случай: «Сидит в столовой мальчик эвакуированный, ему подали обед. Подходит

¹ Пистоленко, с. 138.

² Баннов, с. 100.

³ Пистоленко, с. 66.

⁴ Пистоленко, там же.

мальчик из местных ребят к нему, берет его за шиворот и отбросил, а сам сел обедать, говоря, что он работал, а ты – два месяца бездельничал и не имеешь права в первую очередь обедать»¹.

Для поведенческих процедур, несмотря на их типичность, повторяемость и детерминированность нормативными стандартами, характерна вариативность действий – то, что А. Людтке применительно к промышленным рабочим назвал термином *Eigensinn* (дословно – «упрямство», «своенравие»), а С. В. Журавлев трактует как отстаивание работником определенной автономии на рабочем месте (Журавлев, 2010, с. 20–21).

Под стратегиями поведения здесь понимается определенная последовательность мыслительных и поведенческих действий, направленных на приспособление к существующим условиям (например, на достижение успеха в учебе, труде, спорте) или избавление от создавшейся ситуации (посредством «дезертирства», организации побега из учебного заведения). Последнее отражается в том числе в эго-документах – так, например, в письме учащегося РУ № 4 (г. Нижний Тагил) Серебрякова, перлюстрированном военной цензурой НКГБ СССР в 1943 г., содержится указание на возможные способы избавления от невыносимых условий жизни и труда в училище: «Кормят нас гнилой картошкой и капустой. В общежитии холодно. Обуви не дают, на завод хожу чуть ли не босиком. Ноги все в болячках и нарывах, как ночь, так и реву. Все равно убегу, если не убегу, то сам себя прикончу, только жить здесь не буду»².

Разнообразные поведенческие практики учащихся отражены в правилах внутреннего распорядка учебных заведений, распорядительных документах Главного и Свердловского областного управления трудовых резервов, а также в стенограммах совещаний директоров, зам. директоров по политчасти училищ и школ ФЗО.

4. Внешний облик

Речь здесь идет прежде всего о внешних атрибутах, которые позволяли выделить учащегося среди других граждан, – одежда, внешние отличительные знаки, прическа, сленг. Индивидуально-конституциональные характеристики в нашем случае могут быть отнесены к целой группе учащихся системы. Остановимся подробнее на самом ярком элементе – одежде. В соответствии с приказом Главного управления трудовых резервов от 06.11.1940 № 39 учащиеся ремесленных и железнодорожных училищ обеспечивались форменной одеждой, которая включала шинель с отличительными знаками на петлицах и пуговицах, фуражку с отличительными знаками, гимнастерку, брюки и ремень³. Чуть позже был утвержден перечень одежды для учащихся школ ФЗО со знаками отличия на петлицах.

Так, шинель была черная двубортная, из грубошерстного сукна. На воротнике шинели петлицы с кантами темно-синего цвета – для учащихся

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 93.

² ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 51. Л. 87.

³ О форменной одежде для учащихся ремесленных и железнодорожных училищ: Приказ Главного управления трудовых резервов от 06.11.1940 № 39. <https://clck.ru/34bJji>

ремесленных училищ – и с кантами малинового цвета для учащихся железнодорожных училищ. На петлицах шинелей учащихся ремесленных и железнодорожных училищ были прикреплены металлические буквы «РУ» или «ЖУ» соответственно и цифры, указывающие номер училища. Те же буквы повторялись на бляхе поясного ремня. (Токарь, 2011)

Для осуществления работ на заводе применялся рабочий комплект, состоящий из гимнастерки и брюк преимущественно защитного цвета. Для обозначения формы одежды учащихся школ ФЗО ввели следующие отличительные знаки: петлицы на воротнике полупальто; на петлицах прикреплены металлические буквы «ШФЗО» и цифры, указывающие номер школы; канты темно-синего цвета на петлицах полупальто (для учащихся железнодорожных школ ФЗО канты малинового цвета). Качество материалов одежды было «улучшенным», срок носки – 2 года¹.

Форменную одежду учащиеся могли носить в свободное от работы время, в выходные и праздничные дни. Хранилась одежда в специально выделенном помещении в общежитиях и производственных мастерских. Осуществлялся регулярный контроль (один раз в месяц) за состоянием одежды со стороны директора или коменданта училища.

Учащимся запрещалось появляться в общественных местах в неряшливом виде (без поясного ремня, форменной фуражки, номеров и знаков на петлицах). В случае утери предметов обмундирования – ремня, перчаток, пуговиц, букв или номеров училища – они обязаны были восполнить утраты за свой счет. На летний период подписанные шинели сдавались для хранения в специальном помещении.

Сама форменная одежда уже являлась атрибутом причастности к определенной группе, то есть государством сразу же было принято решение выделять учащихся государственных трудовых резервов по внешним признакам, которые варьировались в зависимости от места обучения. Тем самым подчеркивались такие важные качества, как дисциплинированность и ответственность, которыми должны были обладать учащиеся. Особое внимание уделялось опрятности и чистоте. Мобилизованная молодежь, облачившись в специальную форму, схожую с военной, обращала на себя внимание населения, а у сверстников из других социальных групп вызывала уважение и преклонение.

Вместе с тем единообразие формы как ярко-выраженная черта причастности к коллективу нарушалось молодежью ради проявления своей индивидуальности – особенно это стало проявляться в послевоенное время: например, часть учащихся укорачивали свои шинели, не застегивали пуговицы, не носили ремни и нарушали прочие нормы и требования, предъявляемые к внешнему виду. Таким образом выражались протест против принятых правил, желание выделиться и занять лидирующие позиции в мини-социальных группах.

Заключение

Субкультура учащихся государственных трудовых резервов проявляется в совокупности внутренних и внешних свойств, которые позволяют

¹ ГА РФ. Ф. Р-9501. Оп. 1. Д. 17. Л. 73.

реконструировать социально-культурный облик этой группы. Многообразие показателей субкультуры, отражающих поведение и внутренний мир учащихся по шкале перехода от «парадности» к «непарадности», можно свести к четырем категориям маркеров: социально-демографические особенности, культурные ценности и ментальные характеристики, поведенческие практики и внешний облик.

Указанные маркеры динамически изменялись в различные периоды существования системы государственных трудовых резервов (1940–1958 гг.) и существенно варьировались в зависимости от типа учебного заведения. Дальнейшее изучение субкультуры учащихся на основании выделенных маркеров позволит реконструировать социокультурные характеристики представителя профтехобразования как одного из творцов Победы и послевоенного восстановления экономики страны и региона, оценить потенциал обновления системы подготовки молодых рабочих кадров.

Список литературы

1. Журавлев С. В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной науки. Предисловие // Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОСПЭН; ГИИМ, 2010. С. 3–27.
2. Клинова М. А. Учебные заведения системы трудовых резервов: методы и результаты решения кадровых проблем советской индустрии в послевоенные годы // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 298–303. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303>
3. Левикова С. И. Неформальная молодежная субкультура. М.: Вузовская книга, 2010. 384 с.
4. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОСПЭН; ГИИМ, 2010. 272 с.
5. Манкевич И. А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. 2007. № 5. С. 17–23.
6. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
7. Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
8. Сенявская Е. С. Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1. С. 101–109.
9. Токарь Л. Н. Форма одежды учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения (1940–1941) // Мундир: интернет-журнал для любителей униформологии. 2011. № 1 (3). <http://www.vedomstva-uniforma.ru/mundir3/fzo/index.html>
10. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОСПЭН, 2011. 354 с.

References

- Fil'tser, D. (2011). *Sovetskie rabochie i pozdnii stalinizm. Rabochii klass I vosstanovlenie stalinskoj sistemy posle okonchaniia Vtoroi mirovoi voiny* [Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Stalinist system after the end of World War II]. ROSPEN. (In Russ.)
- Klinova, M. A. (2019). Educational institutions of the system of labor reserves: methods and results of solving the personnel problems of the Soviet industry in the post-war years. *Izvestia of Saratov University. Ser. History. International Relationships*, 19 (3), 298–303. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303>
- Levikova, S. I. (2010). *Neformal'naia molodezhnaia subku'l'tura* [Informal youth subculture]. University book. (In Russ.)
- Liudtke, A. (2010). *Istoriia povsednevnosti v Germanii: Novyepodkhody k izucheniiut-ruda, voinyivlasti* [History of everyday life in Germany: New approaches to the study of work, war and power]. ROSPEN; GIIM. (In Russ.)
- Mankiewicz, I. A. (2007). Literary and artistic heritage as a source of culturological information. *Culture Observatory*, 5, 17–23. (In Russ.)
- Mankheim, K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Jurist. (In Russ.)
- Parsons, T. (2002). *O structure sotsial'nogo deistviia* [On the structure of social action]. Academic project. (In Russ.)
- Senyavskaya, E. S. (2002). Literature of the front-line generation as a historical source. *Otechestvennaya istoriya*, 1, 101–109. (In Russ.)
- Tokar' L. N. (2011). Uniform of students of trade, railway schools and schools of factory training (1940–1941). *Mundir: online magazine for enthusiasts of uniformology*, 1. (In Russ.) <http://www.vedomstva-uniforma.ru/mundir3/fzo/index.html>
- Zhuravlev, S. V. (2010). Istoriia povsednevnosti – novaia issledovatel'skaia programma dlia otechestvennoi nauki [History of everyday life – a new research program for Russian science]. In Liudtke A. *Istoriia povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti* (pp. 3–27). ROSPEN; GIIM. (In Russ.)

Сведения об авторах

Ларионова Марина Бариевна, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой документоведения, права, истории и русского языка Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4969-0527>, marin.lar@mail.ru

Заглодина Татьяна Алексеевна, канд. социол. наук, доцент кафедры философии, социологии и социальной работы Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1689-1552>, tz1708@yandex.ru

Разинков Сергей Львович, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>, sergerazinkov@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Marina B. Larionova, Cand. Sci. (History), Docent, Head of the Department of Documentation, History and Legal Support, Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1689-1552>, marin.lar@mail.ru

Tatyana A. Zaglodina, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Social Work, Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1689-1552>, tz1708@yandex.ru

Sergey L. Razinkov, Cand. Sci. (History), Docent, Associate Professor of the Department of Documentation, History and Legal Support, Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>, sergerazinkov@mail.ru

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.
All authors have read and approved the final manuscript.